

gerten sich in erster Linie in den schriftlichen Quellen ein, später wurden sie vom Volk übernommen, und der alte Primärname wurde verdrängt.

Am Ende seiner Forschungsarbeit bringt der Autor die Quellenhinweise und die Abkürzungen (S. 293—311) und die Wortregister (S. 312—382), was die Benutzung des Buches bedeutend erleichtert.

V. Nissiläs Forschungsarbeit ist streng methodisch, ihr Hauptwert besteht darin, daß sie reichliches Vergleichsmaterial für die gesamte ostseefinnische Onomastik liefert. Doch sicherlich reicht der Einfluß und die Notwendigkeit dieses Werkes weit über die ostseefinnischen Grenzen hinaus.

JAAK SIMM (Tallinn)

<https://doi.org/10.3176/lu.1976.4.10>

Valdek P all, Põhja-Tartumaa toponüümika. Väitekiri filoloogiadoktori teadusliku kraadi taotlemiseks, Tallinn 1975.

11 июня 1975 г. на Совете по историческим и филологическим наукам АН ЭССР состоялась защита докторской диссертации В. Палля на тему «Топонимика северной части Тартумаа». Официальными оппонентами выступили академик П. Аристэ (Тарту), профессор П. Алвре (Тарту), профессор С. Вахтре (Тарту) и профессор И. С. Галкин (Йошкар-Ола; дополнительный оппонент).

Хотя отдельные типы эстонских топонимов привлекали внимание исследователей уже нескольких поколений, заметные успехи в области топонимики достигнуты только в последние десятилетия. Одной из основополагающих предварительных работ стала опубликованная в 1955 г. в Хельсинки «Etymologische Untersuchung über estnische Ortsnamen» (437 стр.) Л. Кеттуена. За ней последовали статьи о месте и времени происхождения топонимов на *-vere*, принадлежащие различным авторам (П. Алвре, П. Аристэ, В. Палль, А. Вассар). Эти работы, содержащие новые аспекты, указали на недостатки и односторонность более ранних трудов, а также свидетельствовали о том, что без предварительных региональных исследований закономерности происхождения и развития эстонских топонимов установить невозможно.

Изучению наших топонимов косвенно благоприятствовало интенсивное исследование учеными Финляндии проблематики прибалтийско-финских (прежде всего, конечно, финских) топонимов, которое сопровождалось постоянным совершенствованием методики. Если учесть, что успехи топономастики неразрывно связаны с предварительной работой в области ант-

ропонимики, можно констатировать, что составление рецензируемой работы в этом смысле пришлось на удачный период: в распоряжении автора были изданный в 1966 г. обзор Э. Раянди (E. Rajandi, Raamat nimedest, Tallinn 1966) об эстонских личных именах и опубликованное в 1964 г. в Гамбурге исследование Д.-Э. Штебке (D.-E. Stoebke, Die alten ostseefinnischen Personennamen im Rahmen eines urfinnischen Namensystems). Эти и другие соответствующие работы, изданные как в Советском Союзе, так и за рубежом многократно использованы в диссертации В. Палля, придают работе вес и выводам убедительность.

Статьи автора диссертации о топонимах начали появляться на страницах журналов в 1961 г. Автор успел до защиты диссертации опубликовать весь исследуемый материал систематизированно и с этимологиями в работе «Põhja-Tartumaa kohanimed. I» (Tallinn 1969). Поскольку этот труд послужил и исходным материалом для диссертации (в определенной мере использованы, правда, и новые данные из собраний топонимов и лексики Института языка и литературы АН ЭССР), следует на нескольких словах остановиться на исходном материале, тем более что автор не счел нужным упомянуть, на скольких карточках топонимов базируется работа и т. д.

В «Põhja-Tartumaa kohanimed. I» приводится цифра 27 000, которая, очевидно, не включает выписки из вакенбухов, ревизских списков и других архивных материалов. Упомянутая работа как у нас (1971 г.), так и в Финляндии (1970 г.) получила признательные рецензии. Уже из

нее было видно, что задуман труд из двух частей, причем анализ распространения, типов, структуры и т. п. топонимов оставлен на будущее. Поскольку при выборе материала уже в первой части сделаны ограничения (см. стр. 10), было бы уместно такие моменты отметить и в части, представленной в качестве диссертации.

Как видим, анализу топонимов рассматриваемой территории предшествует большая предварительная работа. Исследователь с большим опытом, до тонкостей знающий методику и прекрасно ориентирующийся в проблематике, В. Палль смог решить многие вопросы, которых не касались или не смогли решить авторы более ранних работ. Хотя труд В. Палля в целом оставляет очень хорошее впечатление, рецензент обратил внимание на некоторые неровности в плане изложения, неточности и спорные места, которые не снижают ценности содержания.

Рецензируемая работа занимает 488 стр. машинописи. Вместе с титульным листом и предисловием действительным объемом можно считать 491 стр. Диссертация состоит из предисловия, введения, шести глав, регистров, списков сокращений и использованной литературы.

Во введении (стр. 1—26) приводятся границы рассматриваемой территории и дается географическая характеристика северной части Тартумаа. Археологические данные позволяют констатировать заселенность северной Тартумаа начиная с мезолита (т. е. VII—VI тыс. до н. э.). Земледелие и скотоводство стали основным занятием населения на территории Эстонии в первой половине I тыс. н. э. Подсечному земледелию принадлежало существенное место еще в помещичьем хозяйстве, судя по данным 1599 г. о поместье Лайузе, когда из 279 бочек зерна 49 засеяли на подсеке и 49,5 на земле, бывшей под паром (стр. 8). Заселение северной части Тартумаа начиная с конца XVI в. прослеживается по ревизским спискам. Здесь существенно замечание, что обозначение *Russ(e)*, *Reusz* не должно обязательно говорить об этнической принадлежности крестьянина, а свидетельствует о происхождении из России, как, например, в 1627 г. отмеченные в ревизии как *Russe* крестьяне *Tonnies*, *Andres*, *Woytotick Mick* и др. Этот факт следует иметь в виду и историкам.

Во введение включена и краткая лингвистическая характеристика территории, причем распространенные в северо-восточных диалектах общие с водским языком черты заслуживают особого внимания, поскольку *vadja* 'вода' и название одной из древних земель Эстонии *Waiga* имеют один источник. В ссылках на исследования Л. Кеттунена вкрались некоторые неточности. Кроме того, Л. Кеттунен не считал инессив на *-l* специфической чертой говора Кодавере, как это следует из диссертации, а в работе «*Lautgeschichtliche untersuchung über den kodaferschen dialekt*» (Helsinki 1912) причислил его к отклонениям местного типа (*örtliche differenzen*, стр. 208 и сл.) в говорах Кокару и Пала и т. д.

Действительный анализ топонимов северной части Тартумаа начинается в первой главе (стр. 27—65) с обсуждения их фонетического облика. Многие звуковые изменения отражаются в ревизиях, например, *tj > ll* произошел уже в XVII в. (совр. *Villakvere* в 1649 г. имело форму *Willackuär*). При иллюстрации перехода *ht > st* наряду с примерами на *-ht-* следовало бы привести примеры топонимов с *-st-*. Спирант **ɣ* в конце слога В. Палль считает (стр. 34), опираясь на общепринятую точку зрения, вокализовавшимся в североэстонских диалектах уже до XIII в., вследствие чего *g* передавал *j* в более ранних записях названия *Laekõnnu* (1599: *Lagakunth*, 1601: *Lagakont*). Однако здесь возникает вопрос о *ǵ* (*č*) южноэстонского типа (ср. F. J. Wiedemann, *Eesti-saksa sõnaraamat*, Tallinn 1973: *lağa*), который, может быть, обязан своим существованием тому, кто производил записи. Как неэтимологизированное название предлагается *Laiuse*, произношение которого *laijušse* предполагает происхождение от существительных на *-kse* (стр. 39). Добавим, что это не исключает связи топонима с абстрактными словами на *-us* (*laius* 'ширина', *kõrgus* 'высота'), склонение которых у нас повсюду уподобилось склонению группы на *-kse* также в единственном числе. (в финском языке только во множественном), и что первоначальные отношения местами сохранились лишь в партитиве (*laiut*, *kõrgut*). На стр. 45 возникает вопрос, правильно ли изменение *u* в *o* перед *h* (например,

в слове *luht : loha*) называть ассимиляцией. Напротив, объединение названия *Särgejärv* наряду с множественным числом на *-e*, и с генитивом множественного числа на *-i* южно- и северо-восточного эстонского типа не должно бы вызывать возражений, поскольку явно с формой множественного числа на *-i* мы имеем дело в случае с названием *Lindometsa*, как автор убедительно показал на стр. 55. Тесная связь этой диалектной области и с водским языком позволяет предположить более широкое в прошлом употребление генитива множественного числа на *-i*.

Фонетические своеобразия топонимов проявляются прежде всего в большем изнашивании второго компонента сложных топонимов, вследствие чего в настоящее время фонетически совпадающие элементы отнюдь не обязательно были идентичными в прошлом. Привлекая материал топонимов других территорий Эстонии, В. Палль убедительно показывает, как, например, за окончанием *-la* могут скрываться шесть элементов (суффикс *-la* или элемент основы *-la*, самостоятельные слова *-valla*, *-küla*, *-jala*, *-vilja*). От трех до шести разных элементов к настоящему времени слились и в топонимах на *-ja*, *-maa* ~ *-ma*, *-ra*, *-se*. Следует присоединиться к утверждению автора, близкому к аксиоме: изнашивание второго компонента сложного названия не происходит, если он сохраняет функцию детерминанта. Как приспособляются к фонетической структуре языка топонимы чужого происхождения, показывают многие яркие примеры, среди них *Posna* < рус. *Bessossov* (фамилия).

Вторая глава (стр. 66—185), в которой всесторонне рассматривается структура топонимов, наиболее обширна (120 стр.). Здесь выделены в подразделы и подвергнуты анализу сложные и простые названия, исходный падеж топонимов и, наконец, топоформанты и словообразовательные суффиксы. В разделе сложных названий отдельно рассматриваются топонимы на *-vere*, причем, например, при анализе двусложного первого компонента учитывается и длина первого слога, выступление взрывного в начале второго слога и конечный гласный первого компонента. Детально рассматривается и односложный первый компонент. Далее следует анализ первого компонента топонимов

на *-vere* с учетом номинативного, генитивного сложения и сложения на *-i*. Из высказывания на стр. 100 «в записях названий на *-vere* генитивный *-n* обычно не фиксировался» может сложиться ошибочное впечатление, будто иногда это делалось. По сведениям рецензента, отсутствуют какие-либо следы генитивного *-n* в топонимах с *-vere*, о чем следовало бы и четко сказать в работе. Конечно, нет сомнения, что в генитиве множественного числа были первые компоненты на *-st* названий на *-vere* (*Elistvere*, *Raigastvere* и др.). Можно присоединиться также к утверждению автора, что по современной форме многих названий на *-vere* невозможно установить, номинативен или генитивен первый компонент. Ведь первый компонент мог оставаться в номинативе, хотя второй начали употреблять в генитиве, как при рассмотрении комбинаций сложных слов автор совершенно правильно и отмечает (*Pikkjärv* > *Pikkjärve* и др.). Поскольку определение, выраженное прилагательным, в названии *Põltsamaa* (стр. 71) с точки зрения современного языка не просматривается, здесь ожидалось приведение исхода (**Põltoisa-*), что в работе сделано позже.

И при дальнейшем исследовании заслуживает внимания замечание о том, что ранние записи топонимов на *-l* (1496: *Warral* и др.) не всегда отражают местный падеж, а иногда и усеченную форму на *-la* (стр. 106). Рассмотрение эстонских и финских названий на *-sti* (*Siimusti*, *Kannusti*) (стр. 107) могло бы быть обстоятельнее в части мотивов их появления, поскольку читателю не совсем ясно, почему аналогичный номинатив финского языка не учитывается в случае наших топонимов.

В подразделе, посвященном топоформантам и словообразовательным суффиксам (стр. 117 и сл.), автор диссертации более 20 стр. отводит области распространения и происхождению *-vere*, подробно разбирая ранее высказанные объяснения. Он считает, что несмотря на параллельные формы нет причины видеть различные источники *-vere* (стр. 127) и что имеющиеся на сегодня данные не позволяют нам еще мотивированно решить вопрос о происхождении *-vere* (стр. 138). Для движения вперед — от уровня гипотез — автор обоснованно считает необходимым обстоятельный лингвистический

анализ топонимов различных местностей. По мнению рецензента, в отношении названий на *-vere* следует привлечь и апеллятивы других прибалтийско-финских языков (прежде всего терминологию подсечного хозяйства), что до сих пор не практиковалось. Несколько недавних случайных находок в ближайших родственных языках позволяют предположить, что и в иных местах встречающееся название подсечного поля **veere* у нас тоже имеет deverбальный исход (< **vërre* < **vër-dek*).

В этой главе и других местах работы автор реферирует мнения рецензента о формировании названий с *-vere*, делая это в целом точно и правильно. Только утверждение на стр. 132 о реконструкциях генитивного первого компонента слишком малословно, что дает возможность для неверного толкования, потому что в цитируемой работе (P. Alvre, Veelgi vere-lõpuliste kohanimede käsitlemisest. — КК 1965, стр. 354) считаются невозможными не генитивные реконструкции вообще, а только реконструкция со спирантом β : **Pitkänpere* (**Pitkänpere* с *p* было бы, однако, корректно).

Остальные словообразовательные суффиксы и топоформанты распределены примерно на 30 групп, однако было бы желательнее, чтобы эта весьма относительная группировка отражалась и в содержании. Тогда можно было бы получить детальный обзор структуры без прочтения ее от начала до конца. Назначение регистров — иное и они не могут заменить содержание. Анализ же всех суффиксов достаточно полон. Наряду с закономерным развитием постоянно имелись в виду и возможные аналоги. Очевидно, верна точка зрения, что *Järvandus* и *Roogasmik* возникли спонтанно по образу других производных и ранее в качестве апеллятивов не существовали. В отношении названия *Aleja*, очевидно, придется отказаться от предположения о первоначальном суффиксе *-ja* (стр. 168) (хотя в Торма используется и апеллятив *ale* 'подсека', ген. *aleja*), потому что сохранившееся в Кодавере более раннее *ale : aleje* с исходом *e* (в котором на месте прежнего *h* стоит *j*) непосредственно указывает все-таки на тип **alēh : *alēhen*. Развитие $h > j$ в Кодавере после гласного второго слога довольно обычно (см. L. Kettu-

nen, Lautgeschichtliche untersuchung über den kodaferschen dialekt, стр. 133), это изменение отражается, между прочим, и в литературной форме (*paras :*) *parajad* < < **parahat*.

Третья глава «Принципы номинации» (стр. 186—264) состоит из двух подразделов — детерминанты и атрибуты. Автор верно подчеркивает, что большую часть эстонских топонимов составляют сложные названия, причем раньше их было значительно больше, так как основная группа простых названий — эллиптические — образовалась от сложных. Основное слово по крайней мере первоначально было детерминантом, обозначая класс объекта; определительное же слово имеет отличающую и индивидуализирующую функции (*Konna jõgi, Mudajõgi* и др.). Существенно замечание, что детерминант ограничивает и выбор атрибута. Основой для группировки атрибутов послужили их значения.

Детерминанты распределены на большие и меньшие группы (всего 35), более быстрое нахождение которых и здесь содержание не обеспечивает. Большую группу с 13 основными словами образует группа детерминантов *-ots, -nukk, -nurk, -pera, -veere, -ääre, -vahe, -kolk, -kuru, -soru, -loik, -jagu, -kael* (стр. 198 и сл.). Как противоположность им имеется целый ряд однословных: *-küla, -saun, -mõis, -linn, -vald* и др. К наиболее стертым относится *-ra* < *-rahva* (например, *Mikura* < *Mikurahva* и др.). Из рассмотрения топонимов *Mustvee* и *Lohusuu* (ранее *Lohuvesi*) выясняется, что первоначальное значение слова *vesi* : *vee* было или 'река' или 'озеро'. Какое из них предпочитает автор, остается неясным. В некоторых случаях выяснить прежнее значение апеллятива помогли сопоставления с данными родственных языков.

Четвертая глава содержит обзор различных наслоений и групп названий (стр. 265—323). Здесь в подразделах рассматриваются названия населенных пунктов, крестьянских дворов и природных объектов и дополнительно дан краткий обзор смены топонимов. Из рассмотрения названий населенных пунктов в свете исторических документов выясняется общее число зарегистрированных названий по отдельным периодам начиная с XIII в. по настоящее время, а также количество сохранившихся названий, отношения по выступлению словообразовательных суф-

фиксов и топоформантов и т. д. Обращает на себя внимание, что чем дальше в прошлое, тем больше была процентная доля названий на *-vere* (в XIII—XVI вв. около 33% всех топонимов). Начиная с XIX в. их уже больше не возникает, что позволяет предположить связь с постепенным отступлением подсецкого земледелия.

В пятой главе (стр. 324—362) распространение топонимов иллюстрируют обширные карты, которых в диссертации 32. При написании этой главы автору пришлось проработать как топонимический, так и апеллятивный сравнительный материал всей области распространения эстонского языка. При необходимости использованы и данные финского языка, например, при рассмотрении названия крестьянского двора *Sookanna* и названия села *Laekannu* на стр. 34.

Шестая глава (стр. 363—383), посвященная топонимике и истории заселения, поверхностнее других, как и сам автор в предисловии предусмотрительно отметил: «Вследствие ограниченности исследуемой территории она остается в основном лишь поднимающей проблемы». Наличие этой главы вместо обычных итогов и выводов оправдывает ряд метких замечаний. Для рецензента остался непонятным только

вывод на стр. 379, что *-vere* «совсем не распространяется на юго-восточную Эстонию». На карте 2 в юго-восточной Эстонии нет ни одного прихода, где бы полностью отсутствовали названия с *-vere*.

Регистры на стр. 83 органически присоединяются к предыдущим частям диссертации. Список использованной литературы (печатные и рукописные работы) на 18 стр. включает все существенное.

В итоге подчеркнем, что трудоемкая работа обстоятельна по содержанию, распределение материала по главам целесообразно. Отдельные упомянутые недочеты в основном имеют технический характер, при подготовке исследования к печати их легко устранить. В. Палль, как показывают его диссертация, обзорный автореферат и другие опубликованные по теме труды, стал ведущим исследователем эстонской топонимики. Ему, прекрасному знатоку топонимического материала и исследовательской методики, удалось продвинуть исследование эстонских топонимов значительно вперед — дать убедительную картину топонимики северной части Тартумаа и сделать при этом многие далекоидущие выводы. Результаты работы благодаря детальным регистрам легко доступны исследователям соседних областей.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту)

Silvi Vare, Lokaal- ja kollektiivsubstantiive tuletavad sufiksids eesti kirjakeeles. Väitekiri filoloogiakandidaadi teadusliku kraadi taotlemiseks, Tallinn 1975.

Am 22. Okt. 1975 verteidigte die wissenschaftliche Mitarbeiterin am Institut für Sprache und Literatur der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR Silvi Vare vor dem wissenschaftlichen Rat des historischen und philologischen Sektors der Gesellschaftswissenschaften der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR erfolgreich ihre Dissertation «Lokal- und Kollektivsubstantive ableitende Suffixe in der estnischen Schriftsprache». Opponenten waren Marta Rudzite aus Riga und Helmi Viires aus Tallinn.

S. Vares Dissertation ist eine gehaltvolle, sachkundige und dabei praktisch orientierte Forschungsarbeit über die Derivation im Estnischen. In der an Nachsilben

reichen estnischen Schriftsprache gibt es mehr als ein halbes Hundert Suffixe, die noch heutzutage Neubildungen ermöglichen. Folglich ist die Ableitung neben der Wortzusammensetzung eine der fruchtbarsten Arten von Neuprägungen. Dessenungeachtet ist die estnische Derivation noch wenig erforscht worden. Im Druck sind bloß Abhandlungen, die einigen Spezialproblemen der Derivation und einzelnen Suffixen gewidmet sind, erschienen. Umfangreichere Abhandlungen über das estnische Derivationssystem beschränken sich auf ein paar früher angefertigte Kandidatendissertationen, in denen aber die Lokal- und Kollektivsuffixe nicht berührt worden sind. Somit ist die Behandlung des oben genannten